То, чего так и не удается изжить в себе, – страх перед краеведами. Даже тогда, когда их называют по-новому: локальные историки. Стыдно перед собой за эту почти необъяснимую неприязнь к святым и вдохновенным людям, отдающим все силы тому, чтобы доказать сопричастность того или иного медвежьего угла судьбе одного из сильных (знаменитых, талантливых, прекрасных и т.п.) мира сего: например, мимо этой станции проезжал в поезде великий N; или: в этом доме останавливался военачальник X; или: на этом рояле, по легенде, играл гениальный композитор Y (пусть даже по легенде). Жалко станцию, дом и рояль. Что бы с ними было, с бедными, если бы не проезжал, не останавливался, не играл?

Это Тютчеву дано было догадаться о том, *кто* в смиренном странническом облике может ходить по таким вот местам и что нет на земле места, которое было бы им забыто и *ему* не нужно. Многое от нас и не зависит: нас влечет, а точнее, волочит инерция общепринятого, не позволяя остановиться даже там, где глаз зацепился за какую-то зазубрину или корявость. Как в электричке, которая проносит мимо одинокой оградки, крашенной серебрянкой, и каждый раз неизбежно задумываешься над тем, кто мог быть похоронен в таком странном месте, возле железнодорожного пути и вдали от всякого жилья, начинаешь невольно придумывать историю безвестной человеческой жизни, а не придумывать не можешь, потому что все равно никогда не выйдешь и не узнаешь, что там на самом деле, потому что поезд здесь не останавливается и не остановится еще долго.

Отсюда мои сложные отношения с краеведением: оно цветет только там, где есть остановки...

И вдруг, читая работу симбирского исследователя Евгения Краснова, я почувствовала, что происходит нечто необычное. Историк последовательно и профессионально доказывал, что предмет его изысканий, один из персонажей его работы, не был лично знаком с Пушкиным. Хотя интригующих, странных сближений в этом сюжете предостаточно не только для историка, но и для литературоведа.

теля Общества поощрения художников, учрежденного в 1821 году (уже в 1822 общество отправит в Италию двух стипендиатов-пансионеров – братьев Александра и Карла Брюлловых, в 1830-м ту же возможность длительного пребывания за границей из рук Кикина получит Александр Иванов); наконец, через двенадцать лет после смерти Петра Андреевича будет опубликовано его письмо к адмиралу Шишкову, датированное декабрем 1812 года: "Каждый страдал душою и с сокрушенным сердцем ожидал спасения от единого милосердия Всевышнего... Чье сердце не преисполнено благодарности к Богу – единственному Спасителю нашему? Кто не чувствует сердечной необходимости ознаменовать признательность свою к Милосердию Его, явно покровительствующему нам?.. Провидение Божие, помощию веры и народного духа спасло нас. Ему благодарность, и памятник Ему же принадлежит". Так родилась идея храма Христа Спасителя – памятника победы над Наполеоном.

Кажется, вполне достаточно для солидной статьи в энциклопедическом словаре, которую уже можно считать в наше время визой в бессмертие. У Брокгауза и Эфрона П.А.Кикину выделен скромный абзац. Позднейшие энциклопедические издания были избавлены от ненужных подробностей...

В бессмертии Кикину не отказали уважаемые пушкиноведческие справочники, от издания к изданию повторявшие одну и ту же ошибку: Петр Андреевич принадлежал к числу "изводивших" Пушкина "микродантесов", приглашавших на танец Наталию Николаевну, лишь бы досадить "ревнивому поэту". Произошло обыденное: однажды перепутали дядю с племянником, поспешили расшифровать инициалы, заменив Алексеевича на Андреевича, и поезд полетел дальше – уже не пригородная электричка провинциального краеведения, а скоростной экспресс мировой пушкинистики. Остается лишь поблагодарить Евгения Краснова за то, что ради восстановления справедливости не побоялся сорвать стоп-кран...

Ольга ЛЕБЕДУШКИНА

Одиночество – боль свободы

История двух героев разных эпох, обманувших судьбу и наказанных за это забвением

таинственная логика связывала род с историей русской словесности: то кровными узами, то знакомством, то незнакомством...

Впрочем, сегодня даже профессиональный историк отечественной поэзии с трудом вспомнит три тонкие книжки, вышедшие с большими паузами в 60–70-х. Разумеется, в те годы выходило необозримое количество этих тонких книжек, авторы которых или благополучно канули в Лету, или стали авторами толстых книг, или превратились в литературных чиновников, или даже – в знаменитостей... Дмитрий Кикин канул в Лету неблагополучно. Он заслужил свое забвение.

В его посмертном сборнике "Высокогорье" есть стихи вполне антологические, если говорить уныло-циничным редакторским языком. То есть такие стихи, которые несут на себе черты сво-

Дмитрий Борисович Кикин. Фото 1970-х годов

его времени, с его вкусами и стилем, но помимо этого в них есть неуловимое *что-то еще*, которое и делает поэзию поэзией... Ни в одну из антологий они не вошли.

О том, что не войдут, знал сам автор:

Есть плач о творчестве –
он страшен,
Когда, солгав своей судьбе,
Ты не казнен, не взят под стражу,
А погребен в самом себе.

Потому что судьба не любит, когда ее обманывают. Когда заведующий лабораторией, специалист по аэродинамике, без пяти минут доктор наук, человек под сорок, довольно далеко ушедший от возрастного легкомыслия молодости, оставил свою успешную карьеру, он знал, что поплатится за попытку перескочить из одной судьбы в другую. В ситуации, когда полжизни пройдено, было бы наивно рассчитывать на то, что удастся вписаться в иной жизненный механизм, примерить на себя биографию литератора (все равно – официального или подпольного, печатаемого или заведомо непечатного).

За неподчинение законам инерции жизнь наказывает обретением самого себя. О невыносимости своего "я", которое может оказаться тяжелей тюрьмы и страшнее казни, Дмитрий Кикин и написал в одном из лучших своих стихотворений. Одиночество – следствие промежуточных состояний, боль свободы, мука "бытия не как все".

Вот здесь-то у одинокого "промежуточного" человека и появляется возмож-

Петр Андреевич Кикин.
Портрет 1820-х годов

Герой заметок Краснова – Петр Андреевич Кикин (1775–1834). Ну конечно же: кого из знаменитых персонажей Пушкина зовут Петром Андреевичем?!

"Действительно, стоит раскрыть "Капитанскую дочку", как с первых же слов повести, рассказанной от имени дворянского недоросля Петра Андреевича Гринева, начинает брезжить история его земляка и тезки Петра Андреевича Кикина. Отправные точки жизненного пути обоих похожи до неразличимости. Разве что реальный Петр Андреевич был записан в службу по второму году жизни, а не тогда, когда "матушка была еще брюхата", как это случилось с его литературным двойником Петрушей Гриневым. Граф Иван Григорьевич Орлов, давний приятель Андрея Ивановича Кикина, привез к нему в деревню капральский паспорт для сына. Так началась военная карьера П.А.Кикина в лейб-гвардии Измайловском полку" (*Краснов Е.* Пыль хронологии, или Укажет будущий невежда. "Волга", № 5, 6, 1997).

Жизнь, описанная историком, достойна уважения: военная служба; участие и ранение в Бородинской битве; увольнение в отставку с мундиром после взятия Парижа; Св. Владимир II степени, Св. Анна I степени, Св. Георгий IV степени, орден Красного Орла, две шпаги "За храбрость"; портрет работы Джона Доу в Военной галерее Зимнего дворца; должность статс-секретаря "у принятия прошений на Высочайшее Имя приносимых". А кроме того: в молодости – участие в шишковской "Беседе любителей российской словесности" (при этом "Рассуждение о старом и новом слоге" Кикин почему-то называет не иначе как "mon Evangile" – выражать свои чувства к российской словесности ее любителю легче все же по-французски); в зрелости – должность казначея и председатель творить собственную судьбу. Увы, не в том смысле, что ковать свое счастье. О счастье вообще речи нет. Просто человек сам, а не кто-то еще за него, начинает создавать механизмы своей жизни, работу которых, оглядываясь назад, можно назвать роковой. Именно в этом случае, как в известной английской пословице, за словом следует судьба. Поэты и писатели иллюстрируют эту пословицу чаще других, потому что большее количество их слов нам известно.

Но именно несправедливость истории скрывает тайную драматургическую пружинку, которая запускает действие. Почему именно с Кикиным судьба обошлась так жестоко, проигнорировав все его очевидные заслуги?! Неужели мало было иных имен, на которых она вполне могла бы отыграться?

Когда начинаются размышления на эту тему, разумеется, ни о какой науке говорить уже не приходится. Это скорее занятие из разряда раскладывания пасьянсов, или игр с картами таро. Дай Бог при нынешнем обилии информации обо всем на свете составить более-менее ясное представление о тех, кого помнят. Разбираться же с неудачниками и смыслом их судеб не хватит ничьей жизни...

И все же, если мы заранее откажемся от претензий на научную непогрешимость, можно будет начать с того, что в любом обществе и в любую эпоху судеб меньше, чем людей. Здесь речь не о тех, никому не известных судьбах каждого, которые сосредоточены в одних милосердных руках, а о том, что зовется судьбой на уровне обыденном: об установленных рамках человеческой жизни, между которыми действуют хорошо отлаженные механизмы сцеплений, – достаточно попасть в одну из рамок, и уже не ты хозяин своей жизни, но какие-то неподконтрольные тебе силы делают твою жизнь, используя тебя в качестве подручного средства. Рождение – взросление – брак – дети – внуки – смерть... Детский сад – школа – вуз – работа – пенсия... Что там с оглядкой на девятнадцатый век? Ребенку два года, а его уже заботливой рукой мамки-няньки как будто в шутку, играючи поставили на ступеньку, и машина судьбы заработала: капрал лейб-гвардии Измайловского полка – сержант Семеновского – прапорщик – флигель-адъютант – полковник – генерал-майор – Владимир – Георгий – Анна – Красный Орел... А рядом дребезжит неутомимыми колесами-цепочками другая машина, потом еще и еще одна и так далее, но не до бесконечности – если сильно постараться, можно пересчитать: богатство – судьба, бедность – судьба, красота – судьба, уродство – судьба, здоровье – судьба, болезнь, ум, глупость, смелость, трусость – все судьба. Как это знакомо и как по-русски, из века в век! Вот, кстати, еще одна судьба – национальное своеобразие...

И величие, и ничтожество – все судьба. Самое главное: нельзя поменять механизм, потому что он всегда работает. Но что-то же происходит с теми, кто хотел перескочить или вообще сойти на ходу? Борцам с инерцией коллективная память мстит или напраслиной, или забвением.

Один из последних Кикиных родился поэтом. В роду, возраст которого больше, чем половина тысячелетия, были опричники и бунтовщики, воины и священники. Поэтов не было. Хотя какая-то

В 1972 году Дмитрий Кикин (здесь следует предоставить слово автору предисловия к первой из двух его посмертных книг) "умер неожиданно в горах, куда он не должен был ехать и куда он стал подниматься, не послушав совета врачей".

Но что связало их, кроме родового имени, предка и потомка в моем сознании – сознании совершенно постороннего человека? Во-первых, та самая промежуточность. Именно поэтому история поэта-любителя (в литературных кругах – физика, пописывающего лирику, в кругу бывших коллег – стихотворца, случайно попавшего в область серьезной науки), как калька, наложилась на историю жизни Петра Андреевича Кикина – и контуры совпали.

Словесник бесловесным,
Писатель без письма
...Он в армии – "Беседы" член
И генерал – в "Беседе".

Так о П.А.Кикине написал князь Горчаков, а молодой Пушкин, знавший о нем с чужих слов, в том числе и из этих стихов, отозвался еще определеннее: "Смешон, конечно, мирный воин". Действительно, сплошные оксюморон. Но почему-то не смешно.

А потом – лица... Есть удивительное сходство между портретом работы знаменитого Джона Доу и фотографиями Дмитрия Кикина в его книгах. Еще немного – и придется говорить о генетике судьбы или о метемпсихозе. Последние стихи книги "Высокогорье" тем и кончаются:

Путь в оговоры, болезни, беду.
Трижды родившись, трижды пройду...

Действительно, чем не повод порассуждать о том, что душа рождается многократно, как у индусов, или как в "Старшей Эдде", или как у гностиков, которые считали, что душа должна проходить шлифовку и огранку в нашем мире до тех пор, пока, до совершенства ограненная и отшлифованная, не вернется на свою вечную родину.

Человек рождается и умирает только один раз. И в мире катастрофически мало средств, с помощью которых можно уловить и зафиксировать эту человеческую единичность. В редкое сито исторической памяти бесследно ускользает огромный опыт человеческой свободы, о котором мы ничего не знаем. Создается впечатление, что существует тесная связь между забвением (молчанием) и свободой. Об этой связи, может быть, и сказано в сентотеческих писаниях: "Знай, что молчание более достойно удивления и славы..."

Фото Николая КОЧНЕВА

Газета "Первое сентября" (Москва) от 26 декабря 1998 г.